

Урок унисекса

Олег ДУЛЕНИН,
для «Новых Известий»

Спектакль Теодороса Терзопулоса «Гамлет-урок» с Аллой Демидовой в главной роли сейчас колесит по Европе, а в начале осени примет участие в фестивале, посвященном 400-летию первой постановки шекспировской «не-тленки», который пройдет под Миланом.

Принц датский «сидел и зудел» в Демидовой всю жизнь. Начиная со Шкуинского училища. Дошло до того, что после одного из традиционных показов Охлопков пригласил ее играть Гамлета в Театре им. Маяковского. В очередь с Козаковым. Нетрадиционный ввод, к сожалению, не случился, но страсть осталась. Видимо, потому, что была действительно настоящей. По театральному преданию, именно благодаря этой открытой демидовской увлеченности Высоцкий попросил Любимова взяться за Шекспира. Дальнейшее всем известно. (Кстати, во время изнурительных репетиций «Гамлета» Демидова, бывало, оказывалась и суфлером Владимира Семеновича.) И вот нынешней зимой в афинском театре «Аттис» благодаря режиссерскому чутью Терзопулоса ее некогда непреодолимое желание воплотилось в целый спектакль. А благодаря горячей потребности Анатолия Васильева показать русско-греческую версию трагедии спектакль Терзопулоса воплотился и в программу олимпиады.

Название спектакля на редкость адекватно его содержанию. Демидова учит двух греческих актеров. Учит, как бы она сыграла Гамлета, Гертруду, Офелию. «Закрытая семейная драма» — так называют свой спектакль и Терзопулос, и Демидова. Оттого, вероятно, и возникла идея урока (или мастер-класса). С одной стороны, драма реальная — Гертруда — Гамлет, с другой — не совсем: Гамлет — Офелия. И разумеется, везде и всюду зримо незримо присутствует Тень. Явление Призрака отца сыну для Терзопулоса — событие архиважнейшее, ибо именно после него власть над Гамлетом берет иррациональное, и он на-

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

«Бедный Йорик! Я знал(а) его, Горацио...»

чинает свою бессмертную игру со смертью, обретая какое-то поистине нечеловеческое бесстрашие перед нею.

Демидова, одетая Аллой Коженковой в строгие черные одежды, к которым вполне применимо модное слово «унисекс», грациозна и степенна. Вот она — благодушный и справедливый педагог. Сердечно просит актера Афанасия Георгиу прочитать какой-нибудь монолог Гамлета по-гречески и, внимательно выслушав, начинает говорить о том, что не престало-де Афанасию страсти-то рвать, как это делают «актеры, великие до небес», что в выражении каждой мысли необходима и сдержанность, и естественность, в общем, гармоничность. И, показывая, как надо, ненароком, невзначай входит в свою заветную роль. И вот она уже никакой не педагог, она уже Принц датский: «Один я наконец-то...». Голос низок, движения размеренны и скупы. Но главное не они, главное — мысль, и мысль, как всегда у Терзопулоса, подчеркнута ритмичная. И вот уже появляются женская хруп-

кость и покорность, и в диалог с Гамлетом вступает Гертруда. Голос, естественно, изменяется, движения становятся решительнее и экспрессивнее — мать охватывает родительский эгоцентризм. Земная до изящного перстня, Гертруда, безусловно, подчеркивает сыновнюю космическую природу. «Порвалась связь времен» — это и о социуме, и о семье. И о несостоявшемся альянсе с Офелией. Для нее у Демидовой припасено белое кимоно (для Гертруды — красное. Оба подарены спектаклю Таласы Сузуки). И само собой, цветы — для сцены сошествия с ума. Много цветов. Она раздарит их и зрителям, и актерам. На секунду снова станет правильным педагогом, мимоходом скажет хорошенькой актрисе и переводчице педагогических замечаний на английский Софии Хилл, чтобы не забывала текст, подарит ей фиалку и опять воплотится в Офелию, а через минуту и в Гамлета. И когда прозвучит легендарное: «Простимся, будь что будет, дальше — ти-ши-на...», цветы возвратятся. И разумеется, сторицей.

Новые Известия — 14 июля — 2001